

Екатерина
ХАРЛАМПИЕВА

г. Москва

Осенняя охота

рассказ

Осенью посёлок пустел и жизнь в нем замедлялась. Детей, овощи и ценные инструменты увозили в город, дома закрывали на тяжёлые замки. С некоторых теплиц не снимали плёнку — ветер рвал её и мотал во все стороны, над огородами стоял этот глухой хлопающий звук. По утрам на траве иногда появлялась синеватая изморозь. Приходила ночь, вбирая в себя холодный сырой день, но иногда случались настолько солнечные и ласковые утра, что лето будто ненадолго вставало над вянущей травой и чёрным опустевшим полем.

Даша скучала, когда лето заканчивалось. Было странно смотреть на раскисающую дорогу — недавно над ней вилась лёгкая пыль и гремели туда-сюда машины. Поле казалось сонным и пустым — только ветер время от времени поднимал с него стайку лёгких птиц и уносил чёрточкой по небу. И, когда дождь хлестал стеной и смывал с деревьев последние листья, становилось еще грустнее.

В сентябре бабушка давала Даше корзину, заботливо прятала ее светлую косу под платок и отправляла в ближний лесочек за мокрыми чёрными груздями. Хотя Даша остерегалась диких зверей, как велела мама, ей нравился лес, ещё полный «живых» деревьев, перешептывающихся шорохом листвы, птиц, переключившихся в вышине. Но потом, к середине осени, всё это пропадало, смываемое бесконечным дождём, и в лесу тоже устанавливалась тяжёлая непривычная тишина.

От грибов у Даши чернели руки — по вечерам

они с бабушкой чистили их и складывали в вёдра с водой. Работал телевизор, по черно-белой картинке ползали рябые помехи и голоса актрис то шуршали, то гремели, то пропадали совсем.

В начале ноября (Даша называла это время тихой осенью) в деревянных домах, печной дым от которых сочился в бледное небо, оставались только старики. Время от времени над дорогой проносился хриплый собачий лай — поднимался на одном конце улицы и обрывался на другом.

Бабушка часто пекла в печи. Даша любила просыпаться утром на бабушкины пироги. Сдавишь в руках воздушный мякиш — он делается совсем тонким, но стоит отпустить, как пирог снова поднимется и капнет ягодной начинкой. В такие дни Даша просыпалась в глухой темноте от неторопливого уютного шарканья тапок по деревянному полу, скрипа печной заслонки и потрескивания горящих поленьев. Она недолго слушала убаюкивающие звуки дома, вдыхала запах смолы от дров вперемешку с ароматом пекущихся пирогов и снова засыпала. Кошка, которой теперь спать в сенях было холодно, проскальзывала в избу и сворачивалась у Даши в ногах — бабушка ругала её и выгоняла, а она всё равно приходила, пряталась в одеяло и тихо сопела. Спать с кошкой было тепло.

В ноябре обычно приезжали охотники из города. Грохот выстрелов и долгое эхо пугали Дашу. Когда она гуляла одна у плотины на реке и слышала их, то всегда боялась — вдруг из леса выбегут лайки и съедят её. Охотничьи собаки ей нравились, правда, только издали — крепкие и но-

ровистые, они сновали в пожелтевшей траве за забором, пока охотники разговаривали с бабушкой. Даша смотрела на мужчин из-за приоткрытой двери — невысокие, черноусые и крепко пахнущие табаком, они громко разговаривали и смеялись, а бабушка будто ворчала, но на самом деле тоже смеялась. Они покупали у нее самогон в больших бутылках.

Охотники привозили бабушке конфеты и разноцветный сахар. По вечерам она наливала себе чаю, крепкого до черноты, разворачивала конфету и долго сидела с ней, а её темные глаза блестя, отражая слабую жёлтую лампочку — та свисала с потолка на тонком изогнутом проводе, похожая то ли на увядший цветок, то ли на упавшую гусиную голову на очень тощей шее.

Однажды один из охотников принёс в мешке зайца — «Чтобы ваша Дашка не скучала». Заяц, кажется, попался хворый. Бабушка посадила его в клетку, где когда-то держала собственных кроликов, и сказала Даше давать ему капустные кочерыжки и порезанные антоновские яблоки. Обычно к ноябрю зайцы уже меняли летнюю темную шкурку на зимнюю. Зимняя шерсть покрывала зайцев, как первый снег тёмную ноябрьскую землю. Она и сама была как снег — мягкая. Но пойманный заяц ещё не успел переменить шкуру — старая вылезала, а новая проступала какими-то тоненькими волосками, как светлый пух одуванчиков. Заяц совсем не ел, только переворачивал каждый раз оловянную миску — Даше приходилось собирать рассыпанные по клетке овощи.

Однажды, сделав домашние дела, Даша отправилась погулять — в сторону реки, к лесу. Плотина пересекала реку в километре от посёлка — всегда было здорово ходить по ней туда-сюда и смотреть то налево, где у самых ног стояла чёрная вода, то направо — голова кружилась от высоты. Берега густо поросли ольхой, и она сыпала в реку созревшие шишки, отражение веток на речной глади чёрной рамкой окаймляло опрокинутую в воду мозаику блеклого ноябрьского неба.

Даша любила лес, но с опаской относилась к лесным зверям. Даже зайца остерегалась — когда она клала в клетку нечищеную морковь, ей казалось, что он её укусит. Бабушка к тому же рассказывала, что в их местах могут встречаться каба-

ны, лоси и даже медведи. Однажды, собирая ягоды, Даша услышала где-то неподалёку треск веток. Наверно, это был лось. Испугавшись, девочка изо всех сил бежала до самого дома, долго плакала и наотрез отказывалась ходить в лес. Ей казалось, что однажды она обязательно встретит бешеную лисицу. Это мама говорила про бешенство. Как-то раз, ещё летом, когда родители приезжали ненадолго из города и привозили муку, геркулес и семена сухоцветов, мама рассказывала, что видела по телевизору передачу о бешенстве и что количество больных зверей всё время растёт, что они стали часто нападать на людей.

Даша гуляла по плотине и вспоминала маму. У неё были удивительные духи — они пахли чем-то сладким, как пахнут булочки из магазина. Как-то раз Даша попросила такие же, а мама рассмеялась, подхватив дочку на руки, принялась её щекотать: «Ты ещё маленькая! Вот подрастёшь, поправишься... Вот построится дом, вот увезём тебя в город... Куплю тебе и духи, и книжки, и платья!» Иногда от этого аромата у Даши что-то чесалось в груди и она принималась кашлять. Бабушка называла это «астма». За домом на клумбах в сентябре распускались цветы с похожим названием. Даше нравилось представлять, что и у неё в груди расцветает цветок — когда она дышит, он качается и щекочет её изнутри темно-красными лепестками. Но когда она вырастет, цветок завянет и можно будет жить в городе, где не бывает такой тишины, а женщины носят светлую одежду, не боясь испачкать её землёй и зелёным луговым соком; где не кусают летом приставучие комары и мухи, а по утрам по самую крышу не заливают дома болотный туман.

Глядя с плотины на бурлящие потоки, Даша решила, что будет скучать по бабушке. Взяли бы и ее с собой, но она всегда сердится, когда её зовут в город, и тычет жилистым пальцем в рябой телевизор: «Вот он, город твой!» Даша смотрит, как лица растягивают во все стороны помехи и как они то открывают, то закрывают тёмные норы рта. А потом на бабушку смотрят совсем чёрные глаза. Они напоминают Даше переспелые поздние вишни, что растут во дворе. Если сорвать их с ветки, они лопнут и испачкают руки бордовым соком.

Даша всё еще стояла на плотине и всматривалась в темную бурлящую воду и вдруг услышала залиvistый собачий лай. Он вился среди

деревьев, вылетал к реке и несся над тёмной от торфа водой. Из-за эха Даше показалось, что собак очень много. Осторожно, боясь поскользнуться, она направилась по плотине назад, на свой берег, и тут из ольховника к реке выбежал волк. Сначала Даша приняла его за собаку, только очень большую.

Волк оказался так близко, что Даша видела приподнятую шерсть на мощном загривке и жёлтые звериные глаза, поджатые уши. «Сейчас он меня съест», — мелькнула мысль в ее голове. Но вместо того чтобы бежать, Даша стояла как вкопанная на краю плотины и боялась дышать. Волк смотрел на девочку, а она — на волка. Даша разглядела даже тёмные кожистые губы и слюну на подбородке. Волк рыкнул глухо и страшно, но вода, льющаяся с решёток плотины, почти заглушила его. Даша не могла оторвать взгляда от глаз волка. И в это мгновение она поняла, что он защищается. Она впервые увидела страх зверя — волк рычал для устрашения противника, потому что он тоже очень боялся. Человек боялся волка, а волк — человека. Вдруг зверь отвернулся и сделал шаг — не к Даше, а назад, от берега в тень ольхи, и тут — выстрел. Зверь визгнул, неестественно изогнулся и рухнул в чёрные воды реки — течение подхватило его и понесло к плотине, почти что под ноги Даше, которая так и не шелохнулась.

На берег выбежали люди, они кричали то ли на собак, которые рыжими пятнами мелькали между деревьев, то ли на замершую на плотине Дашу.

Она стояла и смотрела, как волчье тело с застывшим оскалом в потоке воды подплывало всё ближе, а потом стало опускаться ко дну. Плотина словно заглывала его, сквозь шум воды, голоса охотников и лай собак Даша слышала треск. С таким треском отец ломал о колено непослушные толстые ветки спиленной черёмухи — ломал и ругался. Вода, падающая с решёток, показалась девочке чернее, чем обычно.

— Какая шуба была бы! — крикнул кто-то на берегу.

— Была, да всплыла! — громко прокричал другой голос в ответ. — Что ж ты, Дашка, не поймала? Испугалась, поди? Иди-ка к нам!

* * *

Вечером, когда совсем стемнело, Даша вышла во двор, открыла клетку, поймала зайца, накинув на него кусок мешковины, и так, спелёнутого, пронесла через огороды в поле. Там, около преющего стога, выпустила в траву и, посмотрев, как шевелится трава, по которой он, убегая, ударял задними лапами, тихонько пошла домой. Это был один из тех вечеров, когда небо было, несмотря на позднюю осень, удивительно ясное — на нём пульсировали звёзды — совсем маленькие и покрупней, обещая крепкий мороз и скорую зиму. Возвращаясь в дом бабушки, Даша чувствовала, как расцветает у нее внутри пышная осенняя астра.

□

Екатерина ХАРЛАМПИЕВА

родилась в 1995 году в Череповце.

*Студентка романо-германского
отделения филологического факультета*

МГУ им. М.В. Ломоносова.

Пишет повести и рассказы.

Публиковалась в журнале «МОСТ».

Лауреат конкурса «Северная звезда-2014» в номинации «Проза».

На данный момент живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

